

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В.И. Есин*

СТРАТЕГИЯ США В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Ядерное распространение на современном этапе остается одной из самых серьезных угроз международной безопасности. Несмотря на совместные усилия разных стран и активную политику США в данной сфере в годы администрации Дж. Буша-младшего, тенденция к расширению “ядерного клуба” сохраняется. Это ставит вопрос о перспективах международного режима ядерного нераспространения, ответственность за укрепление которого во многом ложится на плечи администрации Б. Обамы. В статье подробно анализируется “наследие” Дж. Буша-младшего в сфере нераспространения ядерного оружия, обозначается комплекс задач, стоящих перед новым главой Белого дома, и дается оценка предпринятым США в 2009 г. инициативам.

Ключевые слова: международный режим ядерного нераспространения, оружие массового поражения, страны-пролиферанты, превентивная дипломатия, атомная энергетика, инициатива “Глобальный Ноль”, денуклеаризация.

Nuclear proliferation remains one of the most significant threats to international security. Regardless of continuous international efforts and proactive U.S. policy under G.W. Bush administration, a worrisome trend of “Nuclear club’s enlargement persists. This raises an important question about the prospects for the international non-proliferation regime; its strengthening becomes in many respects a responsibility for Barack Obama administration. The article provides a detailed analysis of G.W. Bush’s nuclear non-proliferation heritage, defines the set of goals to achieve by a new head of the White House and contains a nuanced assessment of the non-proliferation initiatives undertaken by the U.S. in 2009.

Keywords: international nuclear non-proliferation regime, weapons of mass destruction, proliferant states, preventive diplomacy, nuclear energy, “Global Zero” initiative, denuclearization.

Несмотря на принимаемые мировым сообществом меры по предотвращению распространения ядерного оружия (ЯО), тенденция

* Есин Виктор Иванович, к.воен.н., профессор, консультант командующего РВСН РФ, генерал-полковник в отставке (e-mail: viktoresin@mtu-net.ru).

к расширению “ядерного клуба” существует. Это подрывает устои международного режима нераспространения ЯО¹. Безусловно, на поверхности общественного внимания лежат акции, связанные со странами так называемого “третьего” (развивающегося) мира или негосударственными организациями. Однако перспективы режима нераспространения, как справедливо отмечают многие аналитики², в решающей степени зависят от поведения на мировой арене США, РФ, Великобритании, Франции, КНР — официально признанных по Договору о нераспространении ЯО (ДНЯО) ядерных держав.

Особую роль играет политика США, оказавшихся после распада СССР в роли единственной сверхдержавы. Именно от этой страны и новой администрации Б. Обамы мировое сообщество ждет свежих инициатив, а главное — решений, направленных на преодоление кризиса режима нераспространения ЯО. В этом контексте представляется актуальным проанализировать особенности стратегии США, ее характер и направленность, а также степень влияния реальной американской политики на режим нераспространения ЯО.

1

После трагических событий 11 сентября 2001 г. администрация президента США Дж. Буша-младшего (2001–2008), осознав катастрофичность угрозы попадания оружия массового поражения (ОМП) в руки международных террористических группировок, пересмотрела приоритеты обеспечения национальной безопасности США. Борьба с распространением ОМП, в первую очередь ЯО,

¹ В среде экспертов и аналитиков, занимающихся проблематикой ядерного нераспространения, используются различные определения термина “международный режим ядерного нераспространения”. Автору представляется, что наиболее полным является следующее определение: “Международный режим ядерного нераспространения — это система мер международно-правового и политического характера, опирающаяся на совокупность международных договоренностей и организаций с участием как государств, обладающих ядерным оружием, так и государств, не обладающих этим оружием, а также внутренних законодательств государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия, целью которых является предотвращение расширения круга государств, обладающих ядерным оружием, и исключение доступа террористических организаций (групп) к ядерному оружию, материалам и технологиям для его изготовления” [18].

² Среди них следует прежде всего назвать Сергея Рогова, Роланда Тимербаева, Владимира Орлова, Алексея Арбатова, Владимира Дворкина, Александра Пикаева, Василия Кривохижу, Александра Савельева (все из России), Шэннона Кайла, Селеста Волландера, Джорджа Банна, Уильяма Поттера, Павла Подвига, Николая Сокова (все из США), Алисон Бейлс (Великобритания), Ханса Кристенсена (Дания), Патрицию Льюис (Швейцария) и Харальда Мюллера (ФРГ).

стала одной из наиболее приоритетных внешнеполитических задач Белого дома. В “Стратегии национальной безопасности США” 2002 г. впервые появился специальный раздел, посвященный предотвращению ситуации, когда “враги США смогли бы угрожать им, их друзьям и союзникам оружием массового уничтожения” [55]. В список врагов США были зачислены не только международные террористические организации, но и страны, проводящие, по оценке Вашингтона, недружественную в отношении Америки политику и подозреваемые в реализации военной ядерной программы. Было заявлено, что для достижения поставленной цели Соединенные Штаты намерены действовать превентивно, вплоть до применения военной силы.

Дальнейшее развитие политика США в области нераспространения ОМП получила с выходом в декабре 2002 г. президентской директивы NSPD-17/HSPD-4 “Национальная стратегия борьбы с оружием массового уничтожения” [57]. В ней были определены три задачи американских федеральных структур в области борьбы с ОМП:

1) противодействие распространению ОМП (за счет укрепления существующих международных режимов);

2) борьба против применения ОМП (повышение эффективности разведки и противоракетной/противоздушной обороны, перехват компонентов ОМП в ходе их транспортировки, выявление объемов ОМП на территориях “стран-изгоев” и их нейтрализация путем возможного осуществления превентивных силовых действий);

3) физическая защита от использования ОМП (повышение уровня защиты группировок войск и населения, отработка мероприятий по ликвидации последствий применения ОМП на территории США).

МИД России благосклонно отреагировал на эти установки, видя в них укрепление традиционных инструментов дипломатии, контроля над вооружением, многосторонних соглашений, содействия в уменьшении угрозы и экспертном контроле. Было подчеркнуто, что Россия полностью привержена необходимости обеспечить четкое соблюдение основополагающих международных договоренностей — прежде всего ДНЯО, Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО) и Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО).

Однако российские политологи справедливо отметили, что “Национальная стратегия борьбы с оружием массового уничтожения” содержит положения о праве США совершать превентивные акции. Их, по образному замечанию заместителя директора Института США и Канады РАН профессора Виктора Кременюка, можно было рассматривать “как попытку узаконить

право США играть роль верховного судьи, самостоятельно, в обход ООН, выносящего приговоры и исполняющего их”. В. Кременюк тогда заметил: «Вот решит Вашингтон в один прекрасный день, что КНДР, Сирия, Иран или Ливия, словом, какое-нибудь из тех государств, которые попали в список “стран-изгоев”, слишком приблизилось к обладанию оружием массового уничтожения, значит, самое время наносить удар, да посильнее, чтоб другим неповадно было. Хорошо бы, конечно, при этом начать с Ирака, да инспекция ООН мешает, ищет там оружие массового уничтожения и не может найти» [17].

В. Кременюк оказался провидцем. Хотя после 1991 г. Ирак не вел сколько-нибудь значимой деятельности по созданию ЯО или других видов ОМП [43], США при поддержке Великобритании использовали домыслы о наличии у Ирака программ создания ОМП и средств его доставки в качестве предлога для военного вторжения в эту страну 20 марта 2003 г. и последующей смены неугодного Вашингтону режима Саддама Хусейна. Так администрация Дж. Буша-младшего впервые использовала тезис о “необходимости борьбы с распространением ОМП” в качестве обоснования “легитимности” использования силовых методов. Действия США дестабилизировали международную обстановку и усугубили кризис режима нераспространения. Свидетельством последнего стало политическое решение руководства КНДР о разработке ЯО.

После выявления в 2004 г. созданного пакистанским физиком А.К. Ханом “черного рынка” ядерных материалов, оборудования и технологий, факт существования которого указал на наличие серьезных “прорех” в принятых к тому времени мировым сообществом правилах экспортного контроля в этой области, Соединенные Штаты предприняли усилия по реализации дополнительных мер в борьбе с распространением ОМП. В выступлении президента США Дж. Буша-младшего в Университете национальной обороны (Вашингтон, 11 февраля 2004 г.) были сформулированы новые приоритеты американской политики по борьбе с распространением ОМП:

- совершенствование международной законодательной базы;
- расширение сферы применения Инициативы по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР);
- использование ресурсов в рамках выполнения программы Глобального партнерства против распространения ОМП в других, помимо Содружества Независимых Государств (СНГ), регионах мира [59].

Представители США в Комитете ООН по разоружению, Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) и Группе

ядерных поставщиков (ГЯП) выступили с инициативой “подработать” ДНЯО так, чтобы исключить возможность создания ЯО неядерными государствами — участниками договора под прикрытием программы развития мирной атомной энергетики. Вашингтон предложил в рамках деятельности ГЯП ввести запрет на продажу оборудования по обогащению ядерного топлива и его переработке государствам, осуществляющим изучение, развитие и использование атомной энергии в гражданских целях. Взамен предлагалось создать под эгидой МАГАТЭ рынок готового ядерного топлива, которое можно было бы экспортировать по доступным ценам и на недискриминационной основе.

Параллельно администрация Дж. Буша-младшего рекомендовала добиваться того, чтобы любое оборудование для развития мирных ядерных программ продавалось только после подписания страной-импортером Дополнительного протокола к Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ 1997 г. Предлагалось также учредить при МАГАТЭ специальную верификационную комиссию, которая могла бы сосредоточить свои усилия на мерах по ужесточению контроля над распространением ЯО и расщепляющихся материалов (РМ).

Американские предложения во многом были разумными и заслуживали того, чтобы мировое сообщество их поддержало [3, с. 44—45]. Но из-за провозглашенной президентом США Дж. Бушем-младшим стратегии использования превентивных силовых мер в борьбе с распространением ОМП, включающей применение силы против стран-нарушителей режима нераспространения, данные инициативы вызвали отторжение у целого ряда стран. Сказались и приобретенный синдром вследствие американской агрессии против Ирака, и явно просматривающееся стремление США добиться максимальных преимуществ для себя при осуществлении мероприятий в сфере противодействия распространению ОМП, включая активное использование двойных стандартов. К примеру, с одной стороны, Вашингтон в тот период жестко настаивал на полной прозрачности ядерных программ от таких стран, как КНДР и Иран, а с другой — в нарушение ДНЯО передавал технологии Израилю на основе соответствующего тайного соглашения [18]. Попытки государств — участников ДНЯО добиться обсуждения на международном уровне вопроса об израильских ядерных оружейных программах блокировались Соединенными Штатами.

16 марта 2006 г. президент Дж. Буш-младший представил Конгрессу США “Обзор стратегии национальной безопасности США”. Свое предисловие к тексту этого документа он открыл следующими словами: “Америка находится в состоянии войны. Это стратегия национальной безопасности военного времени, чего

требует стоящий перед нами тяжелый вызов — рост терроризма, поддерживаемого агрессивной идеологией ненависти и убийства” [56]. И далее: “Многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, — от угрозы пандемического заболевания до распространения оружия массового уничтожения, терроризма, торговли людьми и природных катастроф, — пересекают национальные границы. Для решения этих проблем важны *многонациональные усилия*” [56].

Эти новации в подходах к обеспечению национальной безопасности США были явно навеяны теми уроками, которые Вашингтон извлек из своих неуклюжих действий в отношении Ирака.

Концепция превентивных ударов в обновленной “Стратегии национальной безопасности США” 2006 г. перестала заявляться в качестве главного приоритета (в документе, в частности, есть указание на то, что США “не будут прибегать к силе во всех случаях для предотвращения новых угроз”), но полностью отказаться от нее администрация президента США Дж. Буша-младшего не смогла. “Если необходимо ... мы не станем исключать использование силы до того, как случилось нападение, даже при том, что есть неопределенность в сроке и месте атаки противника. В случае, когда последствия нападения с применением ОМП потенциально столь опустошительны, мы не можем позволить себе спокойно наблюдать, как материализуется смертельная опасность”, — говорится в обновленном документе [56].

Комментируя в “Washington Post” сохранявшуюся приверженность администрации Дж. Буша-младшего принципу превентивности, ведущий советник Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон) Харлан Ульман отметил: “Превентивные удары были и всегда будут потенциально полезным инструментом, но это не то, чем можно шутить и бросать в лицо каждому. Основывать стратегию на превентивности и ставить ее в центр — колоссальная ошибка” [68]. Нельзя не согласиться с Х. Ульманом.

Другим новаторством в подходах администрации президента США Дж. Буша-младшего к обеспечению национальной безопасности стала концепция так называемой “новой триады”. В обновленной “Стратегии...” продекларировано, что “новые условия стратегической обстановки требуют новых подходов к сдерживанию и обороне” [56]. И далее: “Для сдерживания государств и негосударственных субъектов необходимо располагать и наступательным, и оборонительным потенциалом, способным свести на нет цели, которые ставятся в результате осуществления нападения, а при необходимости — ответить превосходящей мощью... Мы обеспечиваем сдерживание путем развития новой триады, состоящей из наступательных ударных вооружений (как ядерных, так и усовершенствованных обычных), средств активной и пассивной обороны (в том

числе противоракетной) и гибкой инфраструктуры, объединенных единой системой связи, разведки, управления и планирования” [56].

Оценивая состояние национальной безопасности в вопросах, связанных со сдерживанием американских противников от применения ОМП против США, их союзников и друзей, Белый дом признал: несмотря на достигнутые за последние четыре года успехи, Соединенные Штаты по-прежнему стоят перед лицом ряда серьезных вызовов. К основным из них в области нераспространения ЯО в “Стратегии национальной безопасности США” 2006 г. отнесены следующие:

- нарушение Ираном своих обязательств в рамках системы гарантий МАГАТЭ по ДНЯО;
- продолжение проводимой КНДР политики дестабилизации обстановки в Северо-Восточной Азии;
- стремление террористов (в том числе “Аль-Каиды”) получить в свое распоряжение ЯО;
- отсутствие надежных систем защиты РМ, пригодных для создания ЯО (высокообогащенного урана и оружейного плутония).

Для предотвращения этих угроз администрация Дж. Буша-младшего признала «самым лучшим способом лишить “страны-изгои” и террористов доступа к обязательному компоненту для изготовления ядерного оружия — расщепляющимся материалам» [56].

Исходя из этого посыла, в “Стратегии национальной безопасности США” 2006 г. упор был сделан на установление действенного контроля над РМ. Это, по мнению авторов “Стратегии...”, позволяло решить две приоритетные задачи: 1) не дать возможности производить эти материалы странам, которые могут их использовать для создания ЯО; 2) исключить передачу РМ государствами, обладающими соответствующими технологиями, “странам-изгоям” и террористам [56].

Для решения первой задачи необходимо было закрыть “лазейки” в ДНЯО, позволяющие производить РМ оружейной чистоты под прикрытием программ мирного использования атомной энергии. Для этого администрация Соединенных Штатов стала наращивать усилия по продвижению упомянутых ранее инициатив президента США Дж. Буша-младшего от 11 февраля 2004 г. Одновременно предполагалось повысить привлекательность этих предложений в глазах общественности других стран. В обновленной “Стратегии национальной безопасности США” 2006 г. сказано: “Мы выступили с предложением, чтобы все ведущие мировые экспортеры ядерных материалов создали надежную и упорядоченную систему, позволяющую развивать атомную энергетику, но при этом не распространять ядерное оружие” [56].

Для решения второй задачи в “Стратегии...” были предусмотрены меры, направленные на предотвращение доступа “стран-изгоев” и террористических сетей к РМ. Для этого предполагалось

преодолеть опасность, которую представляют недостаточно защищенные ядерные и радиоактивные материалы по всему миру. Особо отмечалось, что США возглавляют глобальные усилия по сокращению и сохранности таких материалов благодаря ряду инициатив (включая Глобальную инициативу по уменьшению угрозы), направленных на выявление, слежение за состоянием и сокращение существующих запасов РМ. Предполагалось также усилить контроль над их перемещением путем установки оборудования для обнаружения в ключевых транспортных узлах.

В апреле 2006 г. министерство обороны США разместило на официальном сайте Пентагона полный текст “Национальной военной стратегии по борьбе с оружием массового уничтожения” [54]. Согласно этому документу, вооруженные силы США должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент предотвратить использование врагами ОМП, не допустить распространения этого оружия или уничтожить уже имеющееся, быть способными восстановиться после его применения и нанести ответный удар.

В “Национальной военной стратегии...” были также прописаны шесть принципов, которым вооруженные силы США должны следовать в целях “успешной защиты американской территории от нападения с использованием ОМП”:

1) активная, многоуровневая, глубокая оборона (подразумевает “уничтожение возникающих угроз как можно дальше от территории США”);

2) оперативный мониторинг и интегрированная система координации различных структур государства;

3) глобальное управление вооруженными силами;

4) планирование, учитывающее имеющиеся в распоряжении США возможности;

5) постановка конкретных задач при планировании;

6) получение поддержки со стороны мирового сообщества.

И хотя “Национальная военная стратегия по борьбе с оружием массового уничтожения” датирована 13 февраля 2006 г., ее положения исходили из установок опубликованной 16 марта 2006 г. обновленной “Стратегии национальной безопасности США”. Руководство Пентагона в лице тогдашнего министра обороны США Дональда Рамсфелда по сути конкретизировало поставленные ранее задачи американских вооруженных сил. Однако в военную политику Соединенных Штатов был привнесен новый компонент — концепция “глобального молниеносного удара”. Суть этой концепции — “в течение часа по любой цели в любой точке земного шара может быть нанесен ракетный удар” [54], поэтому ее реализация предусматривала разработку нового класса вооружений — стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования с обычным оснащением. Это привело к

серьезной дестабилизации сложившегося на мировой арене баланса военных возможностей и негативно отразилось на процессе ядерного разоружения.

Продекларированные администрацией Дж. Буша-младшего установки при всей их “идеалистичности в целях” зачастую были далеки от “реалистичности в средствах”, использованных Вашингтоном. По ряду направлений предпринятые американцами шаги противоречили провозглашенной цели укрепить режим нераспространения ЯО.

Особую озабоченность у мирового сообщества вызвал фактический демонтаж процесса ядерного разоружения. Речь шла о выходе США из Договора по ПРО (июнь 2002 г.) с одновременным началом развертывания глобальной системы противоракетной обороны. После этого администрация Дж. Буша-младшего отказалась от каких-либо переговоров с Россией по сокращению ядерных вооружений: Вашингтон не хотел связывать себя обязательствами, которые накладывали бы ограничения на принятую им программу [5, с. 29–30]. Не меньшие опасения вызывало стойкое нежелание республиканцев ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), их скептическое отношение к международным форумам, на которых обсуждались вопросы нераспространения ЯО. Политика США в данной области исключала перспективы ядерного разоружения [2]. И хотя возможный позитивный пример Вашингтона, вероятно, и не повлек бы за собой автоматический отказ “пороговых” стран от ядерных программ, но отсутствие желания у администрации Дж. Буша-младшего продвигаться в этом направлении способствовало появлению у них стимула к обладанию ЯО.

В реальной (а не декларированной) политике США просматривался скептицизм в отношении универсальных мер укрепления режима нераспространения ЯО. Предпочтение Вашингтон отдавал адресным мерам, направленным против отдельных государств и зарубежных компаний, нарушавших, по мнению американцев, положения ДНЯО, соглашения о гарантиях с МАГАТЭ или же внутренние законодательные акты США (последнее свидетельствует о порочной американской практике подмены международного права своим внутренним законодательством). Белый дом все чаще руководствовался избирательным подходом к государствам-нарушителям режима нераспространения ОМП. В соответствии с ним выбирались меры воздействия. Применительно к одним странам (Израиль, Пакистан, с 2005 г. — Индия) процесс распространения ЯО считался неопасным, к другим (КНДР, Иран, Ирак, Ливия) — угрожающим. В отношении последних превалировали жесткие санкции со стороны Вашингтона, включая применение или угрозу применения силы.

Особого внимания в этом контексте заслуживает политика администрации Дж. Буша-младшего по отношению к ядерной программе КНДР. В период президентства Б. Клинтона (1993–2000) Пхеньян, пусть и с определенными издержками, но все же придерживался Декларации о провозглашении Корейского полуострова безъядерной зоной (1992) [40] и Рамочного соглашения между США и КНДР (1994). Это обеспечивало неполный, но приемлемый контроль над северокорейскими ядерными объектами со стороны инспекторов МАГАТЭ. Последние следили за процессом “замораживания” наиболее чувствительных объектов северокорейской ядерной программы. У мирового сообщества появилась надежда, что в обозримой перспективе удастся ограничить программу развития атомной энергетики КНДР сугубо мирными целями.

После прихода к власти в январе 2001 г. администрация Дж. Буша-младшего усилила давление на Пхеньян. Белый дом исходил из предположения о неминуемости краха северокорейского режима в случае ужесточения своей политики. Выбранный американскими “ястребами” курс ожидаемо привел к дестабилизации ситуации на Корейском полуострове. Одновременно он подтолкнул Пхеньян к принятию политического решения о создании ЯО.

Осознав, что в одиночку не допустить превращения КНДР в ядерное государство не удастся, Вашингтон обратился за содействием к своим союзникам (Республике Корея и Японии), а также к КНР и России. По инициативе КНР в августе 2003 г. в Пекине начались шестисторонние переговоры с участием КНР, США, РФ, Японии, Республики Корея и КНДР.

Первый существенный успех был достигнут 19 сентября 2005 г., когда в ходе четвертого раунда переговоров было принято Совместное заявление о принципах будущих договоренностей, направленных на проверяемую денуклеаризацию Корейского полуострова мирным путем (Пекинская декларация). В основу договоренностей был положен фундаментальный принцип “действие в ответ на действие”. Однако Вашингтон и Пхеньян по-разному трактовали положения Совместного заявления [13]. Их претворение в практические шаги застопорилось. Вашингтон и Токио произвели жесткий нажим на Пхеньян, введя против КНДР в одностороннем порядке ряд санкций. В ответ Пхеньян 11 декабря 2005 г. заявил, что КНДР приостанавливает “на неопределенный срок свое участие в переговорах” [13].

Возникла пауза, связанная с нежеланием Вашингтона идти на компромиссы и убедившая Пхеньян в нежизнеспособности договоренностей, зафиксированных в Пекинской декларации. 20 июня 2006 г. Пхеньян заявил, что КНДР более не будет придерживаться

одностороннего моратория 1999 г. на испытания баллистических ракет большой дальности. 5 июля 2006 г. КНДР провела пуски семи баллистических ракет, в том числе двухступенчатой ракеты “Тэпходон-2”. Эти испытания вызвали повсеместное осуждение. В июле 2006 г. Совет Безопасности (СБ) ООН единогласно одобрил Резолюцию № 1695, требующую от КНДР прекратить деятельность по созданию баллистических ракет и вернуться к мораторию на проведение ракетных испытаний. Пхеньян отверг эту резолюцию и 9 октября 2006 г. провел испытание первого ядерного взрывного устройства.

В ответ СБ ООН 14 октября 2006 г. единогласно принял Резолюцию № 1718. Пхеньян наверняка бы проигнорировал и ее, если бы не жесткая реакция со стороны КНР³ (Пекин пригрозил ввести собственные санкции, если КНДР не вернется за стол переговоров). Озвученная Китаем угроза вынудила Пхеньян заявить 31 октября 2006 г. о готовности вернуться к переговорам.

Шестисторонние переговоры возобновились 18 декабря 2006 г. Но позитивные результаты были достигнуты лишь 12 февраля 2007 г., когда стороны подписали соглашение о серии шагов по выполнению Совместного заявления 2005 г. (Пекинское соглашение). Его реализация сдерживалась финансовыми санкциями, введенными США против КНДР в ноябре 2005 г. После снятия этих санкций и обещания администрации Дж. Буша-младшего исключить КНДР из списка стран, поддерживающих терроризм [34], в начале октября 2007 г. на пятом раунде шестисторонних переговоров был одобрен совместный документ “О втором этапе осуществления Совместного заявления (от сентября 2005 года)” [9; 6]. В марте 2007 г. были сформированы пять рабочих групп, которые на экспертном уровне должны были содействовать их выполнению [39, с. 323].

Но возродившимся надеждам мирового сообщества сбыться было не суждено. Вашингтон начал обставлять выполнение взятых на себя обязательств дополнительными требованиями к Пхеньяну, зачастую выходящими за рамки достигнутых договоренностей [7]. Ситуация осложнялась задержкой с получением КНДР обещанной ей экономической и энергетической помощи [22; 26]. Намеченные сроки выполнения договоренностей были сорваны. США и КНДР обвинили в этом друг друга. Возникла пауза в реализации договоренностей по денуклеаризации Корейского полуострова.

³ В заявлении МИД КНР, опубликованном 10 октября 2006 г., действия КНДР были охарактеризованы как “наглый вызов мировому сообществу” (видимо, на столь резкую оценку Пекин подвергло то обстоятельство, что Пхеньян провел ядерное испытание вопреки китайским возражениям) [42].

Негативно на этот процесс повлияла и произошедшая в конце 2007 г. смена власти в Республике Корея. Новое консервативное руководство во главе с президентом Ли Мен Баком отказалось от политики своих предшественников по сближению с КНДР и поставило условием оказания ей экономической помощи прогресс в демонтаже северокорейской военной ядерной программы⁴.

Выход из тупика переговорного процесса удалось найти лишь после того, как Вашингтон и Пхеньян пошли на взаимные уступки. КНДР представила участникам шестисторонних переговоров декларацию о своей деятельности в ядерной области, а США ответили на этот шаг ослаблением торговых санкций против КНДР и начали процесс исключения ее из списка стран, поддерживающих терроризм. Прошедший 10–12 июля 2008 г. шестой раунд шестисторонних переговоров завершился принятием совместного коммюнике. КНДР согласилась завершить процесс вывода из строя своих ядерных объектов в Ненбене к концу октября 2008 г. За это ей были обещаны “поставки остающихся объемов топочного мазута и другой помощи, не связанной с поставками топочного мазута” [16]. Стороны также договорились создать верификационный механизм для проверки хода денуклеаризации Корейского полуострова.

Условия выполнения договоренностей 2008 г. остались неопределенными, что заложило под них своего рода “мину замедленного действия”. Эта “мина” вскоре сработала, хотя 23 июля 2008 г. впервые с начала шестисторонних переговоров состоялась встреча глав внешнеполитических ведомств шести стран-участниц в Сингапуре в рамках ежегодного регионального форума АСЕАН по безопасности. Участники встречи обменялись мнениями по вопросам о промежуточных итогах шестисторонних переговоров и их перспективах. Процесс денуклеаризации Корейского полуострова тормозило также затягивание США своего обязательства об исключении КНДР из списка стран-спонсоров терроризма. Соответствующее заявление Вашингтона последовало лишь 11 октября 2008 г., что позволило Пхеньяну возвратиться к демонтажным работам на ядерных объектах в Ненбене.

Но пресс-служба госдепартамента США опубликовала заявление, что “КНДР продолжает оставаться под действием многочисленных односторонних американских санкций, являющихся результатом проведенного ею в 2006 г. ядерного испытания, ее деятельности по распространению, ее нарушений в области прав человека и ее статуса коммунистического государства” [19].

⁴ Находившиеся ранее у власти в Республике Корея либеральные демократы Ким Дэ Чжун и Но Му Хен развивали сотрудничество с Пхеньяном без увязки с северокорейской ядерной проблемой [14].

Продемонстрировав мировому сообществу двойственность своей политики в отношении КНДР, США сделали туманными перспективы дальнейших шагов на пути реализации достигнутых в июле 2008 г. договоренностей [37]. Негативно сказался и отказ Японии от участия в ранее согласованных поставках топлива для северокорейских тепловых электростанций [15].

Возникшая неопределенность убедила Белый дом в том, что накануне президентских выборов (ноябрь 2008 г.) выгоднее “заморозить” северокорейскую ядерную проблему, переложив ее решение на плечи преемника в Белом доме [36]. До конца президентского срока Дж. Буша-младшего со стороны США не предпринималось практических действий по денуклеаризации Корейского полуострова.

В общем и целом приходится констатировать, что политика Дж. Буша-младшего на данном направлении привела к плачевным результатам: на карте мира появилось еще одно ядерное государство — КНДР. Во главу проводимого администрации американского президента курса в отношении КНДР была поставлена недостижимая, как оказалось, цель — свергнуть режим Ким Чен Ира и попутно устранить угрозу появления ядерной КНДР. Вышло с точностью до наоборот — режим Ким Чен Ира сохранился, а Северная Корея стала ядерным государством.

3

Другой проблемой для сохранения режима нераспространения ЯО стал Иран. В отношении этой страны Соединенные Штаты были настроены негативно с 1979 г., когда в Иране свершилась исламская революция, свергнувшая проамериканский шахский режим. После уличения Тегерана в незадекларированной ядерной деятельности (2003 г.) политика Вашингтона ужесточилась. У администрации Дж. Буша-младшего сложилось убеждение, что Иран стремится к обладанию ЯО. Такой подход предопределил предвзятое отношение Вашингтона к любой ядерной деятельности Ирана. Это породило недоверие Тегерана к американским и многосторонним инициативам, направленным на прояснение иранской ядерной проблемы. Взаимная неприязнь, отягчаемая острым противостоянием Ирана и Израиля (главного союзника США на Ближнем Востоке) исключила достижение взаимоприемлемого компромисса⁵.

В феврале 2003 г. МАГАТЭ приступило к прояснению характера незадекларированной ядерной деятельности Ирана. Вашингтон и

⁵ Факты нарушения Ираном его обязательств по Соглашению о гарантиях с МАГАТЭ ныне общепризнанны, они в целом не отрицаются Тегераном, который их расценивает как ошибочные.

страны ЕС развязали огульную антииранскую информационную кампанию, в основу которой легло использование пропагандистских уловок вместо изложения фактов. Иран обвинялся в тайных планах по созданию ЯО при поддержке КНДР, РФ и КНР. Раздавались также призывы прибегнуть к превентивным мерам и военной силе против Ирана с целью уничтожения его ядерных объектов [60; 63].

Созданная напряженность вокруг иранской ядерной программы отрицательно влияла на работу инспекторов МАГАТЭ. На волне тенденциозных и зачастую необоснованных обвинений, сыпавшихся на головы руководителей Ирана, они неохотно шли на сотрудничество. Только осенью 2003 г. к разрешению противоречий присоединился Евросоюз в лице Великобритании, Франции и Германии (“евротройка”) [12, с. 661]. Это позволило снизить накал страстей. 21 октября 2003 г. “евротройка” и Иран приняли совместную декларацию [61]. 18 декабря 2003 г. Тегеран подписал Дополнительный протокол МАГАТЭ 1997 г., который он в качестве жеста доброй воли вскоре ввел во временное пользование.

Сделав эти шаги, Тегеран вправе был ожидать подвижек со стороны “евротройки”. Но последняя, находясь под жестким прессом Соединенных Штатов, увязала выполнение своих обязательств со скорейшей ратификацией Тегераном Дополнительного протокола МАГАТЭ (хотя об этом в самой декларации речь не шла). Усугубила ситуацию принятая 18 июня 2004 г. резолюция Совета управляющих МАГАТЭ, в которой содержался настоятельный призыв к Ирану ратифицировать как можно быстрее Дополнительный протокол МАГАТЭ [20, с. 105]. В ответ Тегеран объявил о возобновлении производства газовых центрифуг для установок по обогащению урана и начал на производственном комплексе в Исфахане (330 км южнее Тегерана) подготовку к конверсии оксида урана в гексафторид урана [39, с. 78]. Вашингтон, в свою очередь, призвал передать вопрос об иранской ядерной программе в СБ ООН.

В августе 2005 г. новый президент Ирана Махмуд Ахмадинежад приостановил переговоры с “евротройкой”, а на производственном комплексе в Исфахане начались работы по конверсии урана [47]. 25 сентября 2005 г. Совет управляющих МАГАТЭ принял резолюцию, в которой констатировалось, что “сокрытие Ираном информации в течение 18 лет привело к отсутствию доверия в том, что его ядерная программа осуществляется исключительно в мирных целях, а также поставило вопросы, находящиеся в компетенции Совета Безопасности ООН” [48]. Тегеран охарактеризовал эту резолюцию как незаконную и нелогичную.

3 ноября 2005 г. Россия предложила создать совместное предприятие с Ираном для производства ядерного топлива. Это стало одним из центральных вопросов на возобновившихся 21 декабря

2005 г. в Вене переговорах “евротройки” и Ирана, политический климат которых ухудшился после антиизраильских заявлений М. Ахмадинежада [8]. Переговоры не сблизили позиций сторон, и поэтому решено было отложить дискуссию по иранской ядерной программе до следующей встречи в январе 2006 г.

Однако этой встрече было не суждено состояться. 4 января 2006 г. Тегеран информировал МАГАТЭ о своем решении возобновить с 9 января 2006 г. работы по программе развития атомной энергетики, приостановленные в раках добровольного и не имеющего обязательного характера моратория [49]. В ответ США и ЕС объявили, что пришло время “для вовлечения Совета Безопасности ООН с целью укрепления авторитета резолюций МАГАТЭ” [44]. Под их нажимом Совет управляющих МАГАТЭ 4 февраля 2006 г. принял резолюцию, требующую передать СБ ООН все доклады и резолюции МАГАТЭ, связанные с иранским ядерным вопросом [50]. Это решение стало тем рубиконом, перешагнув который, МАГАТЭ (а вместе с ним и мировое сообщество) надолго, если не навсегда, лишилось возможности позитивно воздействовать на характер ядерной деятельности Ирана. Одержанная администрацией президента США Дж. Буша-младшего “победа” над Ираном оказалась сродни пирровой.

Резкая реакция Тегерана на резолюцию Совета управляющих МАГАТЭ была ожидаемой. 6 февраля 2006 г. Иран проинформировал МАГАТЭ, что больше не предоставит ему возможность действовать в соответствии с положениями Дополнительного протокола 1997 г. 16 февраля 2006 г. президент Ирана М. Ахмадинежад объявил о начале ограниченного эксперимента по обогащению урана на опытном заводе обогатительного комплекса в Натанзе (160 км южнее Тегерана).

Здесь уместно привести оценку произошедших событий со стороны известного российского аналитика Алексея Арбатова. Полемизируя по иранской ядерной программе на страницах журнала “Индекс Безопасности” с Андреем Пионтковским, старшим научным сотрудником Института Хадсона (Вашингтон), он сказал: “Да, в смысле соблюдения гарантий МАГАТЭ Иран допускал нарушения, скрывал некоторые свои проекты, что вызвало серьезные подозрения о наличии у него военных, а не мирных ядерных планов. Есть тому и ряд косвенных доказательств. Но все это — повод для более тщательной проверки со стороны МАГАТЭ и предотвращения подобных нарушений в будущем, а не для требования прекратить все работы по обогащению урана, выдвигаемые со стороны США. Ссылаясь на неправомочность этого требования, Иран не ратифицировал <...> Дополнительный протокол (дающий возможность практически неограниченных проверок) и теперь не допускает расследования МАГАТЭ по нормам этого протокола” [1, с. 119].

В середине марта 2006 г. состоялась передача иранского ядерного досье в СБ ООН. 29 марта 2006 г. его председатель выпустил заявление относительно иранской ядерной программы. В нем выражалась “серьезная озабоченность” действиями Тегерана и содержался призыв к нему предпринять шаги в соответствии с требованиями февральской 2006 г. резолюции Совета управляющих МАГАТЭ, прежде всего полностью прекратить обогащение урана и связанных с ним научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ [66]. В ответ Тегеран подчеркнул, что “Иран как неядерное государство — участник ДНЯО имеет законное основание развивать атомную энергетику в мирных целях” [52]⁶.

По мере того как обсуждение иранского ядерного досье в СБ ООН заходило в тупик, Вашингтон “созревал” для изменения своей дипломатической стратегии в отношении Ирана. 31 мая 2006 г. госсекретарь США Кондолиза Райс заявила, что США присоединяются к “евротройке” в прямых переговорах с Ираном [67]. Тегеран охарактеризовал это заявление как вынужденное, на которое США пошли, оказавшись в дипломатической изоляции, а не из-за искреннего желания достичь соглашения с Ираном [62].

6 июня 2006 г. США, РФ, Великобритания, Франция, КНР и Германия (группа П5+1) объявила о новом пакете предложений в сфере атомной энергетики, технологии сотрудничества, политических вопросов и проблем безопасности, направленных на то, чтобы убедить Иран бессрочно прекратить обогащение урана. Но Тегеран, взяв паузу на размышление, не пошел на переговоры, поскольку не верил в искренность намерений Вашингтона.

31 июля 2006 г. СБ ООН принял Резолюцию № 1696, которая требовала, чтобы к 31 августа 2006 г. Иран под контролем МАГАТЭ прекратил любые действия, связанные с обогащением урана и радиохимической переработкой плутония [64]. Тегеран в очередной раз проигнорировал эти требования, но в специальном заявлении 22 августа 2006 г. выразил готовность к серьезным переговорам с группой П5+1 по всем аспектам сделанных ею предложений. Было подчеркнуто, что Иран не согласится прекратить осуществление своей программы по обогащению урана в качестве предварительного условия для начала переговоров.

Осень 2006 г. ознаменовалась длительными дискуссиями между странами группы П5+1 по вопросу об оптимальных методах реагирования на отказ Тегерана выполнить требования Резолюции № 1696. 23 декабря 2006 г. СБ ООН единогласно одобрил санк-

⁶ 11 апреля 2006 г. президент Ирана М. Ахмадинежад объявил, что Ирану удалось успешно обогатить уран до уровня в 3,5% содержания изотопа U235, необходимого для производства ядерного топлива [52].

ционную Резолюцию № 1737, принятую на основе статьи 41 главы VII Устава ООН (это означало, что она принята в связи с возникшей угрозой международному миру) [65]. Документ потребовал от государств — членов ООН “предпринять необходимые меры по предотвращению поставок, продаж или передачи прямо или косвенно ряда товаров, которые могли бы способствовать развитию иранских программ по обогащению урана и строительству тяжеловодного реактора, а также созданию средств доставки ядерного оружия”⁷. Но Тегеран отверг Резолюцию № 1737 как “незаконную” [51]. Парламент Ирана принял закон, обязывающий правительство пересмотреть условия сотрудничества с МАГАТЭ в ядерной сфере [38, 2006, вып. № 45].

Ряд российских и зарубежных аналитиков⁸, к мнению которых присоединяется и автор настоящей статьи, полагают, что это решение СБ ООН, принятое с подачи Вашингтона и его союзников, загнало в дипломатический тупик процесс урегулирования возникшего вокруг иранской ядерной программы кризиса. Ведь не вызывает сомнения, что Тегеран никогда не откажется от обогащения урана, поскольку его деятельность укладывается в рамки ДНЯО, не запрещена Соглашением о гарантиях с МАГАТЭ и ею занимаются многие другие неядерные государства. К тому же беспристрастная оценка (абстрагирующаяся от поведения таких иранских лидеров, как М. Ахмадинежад, которое, конечно, заслуживает осуждения) показывает, что объективно ядерные разработки Ирана после 2003 г. не представляют собой угрозы международному миру. Поэтому СБ ООН не было надобности прибегать к опоре на положения главы VII Устава ООН.

Поскольку Тегеран продолжал уклоняться от выполнения указанных резолюций, а в переговорном процессе группы П5+1 с Ираном наступила пауза, СБ ООН в 2007–2008 гг. принял Резолюции № 1747, 1804 и 1835, ужесточившие режим санкций. Однако к сколько-нибудь значимому прогрессу в разрешении кризиса они не привели. Предпринятые Вашингтоном и некоторыми его союзниками попытки усилить силовое давление на Тегеран (вплоть до угрозы нанести удары по иранским ядерным объектам⁹) усу-

⁷ Соответствующие товары были перечислены в нескольких списках, на которые содержались ссылки в тексте Резолюции № 1737.

⁸ Среди них следует прежде всего назвать Евгения Примакова, Сергея Рогова, Виталия Наумкина, Алексея Арбатова, Антона Хлопкова (все из России), Джими Картера, Сэма Нанна, Павла Подвита, Шэннона Кайла (все из США), Ханса Бликса (Швеция), Джаянта Дханапала (Шри-Ланка) и Серхио Дуарте (Бразилия).

⁹ К этим угрозам, которые ранее исходили главным образом от американских и израильских “ястребов”, в сентябре 2007 г. неожиданно подключилась влиятельная в мировых делах Франция. Глава французского МИД Бернар Кушнер

губляли кризис, вызывая дополнительную напряженность в Ближневосточном регионе.

Администрация Дж. Буша-младшего не смогла выстроить рациональную стратегию по урегулированию иранской ядерной программы. В ее действиях превалировало желание сильнее наказать Иран за прошлые прегрешения в его ядерной деятельности. Требовался поиск взаимоприемлемого компромисса, достижение которого позволило бы подвинуть Тегеран на конструктивное сотрудничество с МАГАТЭ на основе Дополнительного протокола 1997 г. Навязчивое требование Вашингтона, чтобы Иран свернул свою ядерную программу, не только противоречит ДНЯО (основополагающему документу режима нераспространения ЯО), но и контрпродуктивно, поскольку помимо прочего воспринимается Ираном и как ущемление национального достоинства.

4

Пришедшая к власти в январе 2009 г. новая администрация Б. Обамы пока не сформулировала в завершенном виде свою стратегию национальной безопасности, которая, безусловно, будет содержать и положения о борьбе с распространением ОМП. Поэтому в настоящее время не представляется возможным однозначно оценить, какую политику будет проводить Вашингтон в области нераспространения ЯО. И все же палитру возможных действий новой администрации можно выстроить исходя из анализа высказываний, прозвучавших из уст Б. Обамы и его сподвижников как в ходе избирательной кампании, так и после прихода их к власти [30].

У автора нет сомнения, что президент США Б. Обама в вопросах нераспространения ЯО будет стремиться отойти от непродуктивных концепций американских “ястребов”, ушедших на покой (навсегда, на что хотелось бы надеяться, или все же временно?). Но сумеет ли он без серьезных потерь в своих благих устремлениях преодолеть оставленное бушевской администрацией тяжелое наследие в этой сфере? Ресурсы Б. Обамы, которыми он располагает в американском истеблишменте, не безграничны. Проведенные в июле 2009 г. опросы общественного мнения показали снижение его рейтинга до 50%, а ведь экономика США еще не выбралась из кризиса, в который она угодила в конце

накануне открытия в Вене 51-й сессии генеральной конференции МАГАТЭ призвал мировое сообщество готовиться к войне с Ираном. По этому поводу он сказал буквально следующее: “Мы должны готовиться к худшему, а худшее — это война”. В ответ на это высказывание официальное иранское информагентство ИРНА заявило, что “обитатели Елисейского дворца превратились в исполнителей воли Белого дома” [10].

президентства Дж. Буша-младшего. При отсутствии позитивных изменений возможности новой администрации США сузятся.

В ходе избирательной кампании Б. Обама сделал ряд амбициозных заявлений по вопросам нераспространения ОМП. На слушаниях в Сенате Хиллари Клинтон при утверждении ее в должности госсекретаря США прямо заявила, что “нераспространение ОМП займет одно из основных мест в повестке дня новой администрации” [45].

В сфере ядерного нераспространения можно выделить несколько ключевых для администрации Б. Обамы задач.

Во-первых, *укрепление ДНЯО*. О приверженности дальнейшему его укреплению президент Б. Обама заявил 1 апреля 2009 г. в Лондоне при подписании Совместного с президентом РФ Д. Медведевым заявления о российско-американских отношениях [28]. Основную задачу новая американская администрация усматривает в предотвращении эрозии ДНЯО с акцентом на недопущение расползания ЯО. Выступая 5 апреля 2009 г. в Праге, Б. Обама заявил: “Чтобы укрепить ДНЯО, мы должны принять несколько принципов. Нам необходимо больше ресурсов и полномочий, чтобы усилить международные инспекции. Нам необходимы реальные и немедленные последствия для стран, пойманных на нарушении правил или попытке выйти из договора без оснований на то” [58]. И далее: “Мы должны создать новые рамки гражданского ядерного сотрудничества, включая международный банк топлива, с тем чтобы страны могли иметь доступ к мирной ядерной энергии без увеличения риска распространения. <...> Однако мы продвигаемся вперед без иллюзий. Некоторые страны будут нарушать правила. Поэтому нам необходима действующая структура, которая гарантирует, что когда какое-либо государство так поступает, оно будет отвечать за последствия” [58].

Эти подходы Вашингтона к укреплению ДНЯО можно только приветствовать. Но в американских предложениях отсутствует такой востребованный неядерными государствами “пряник”, как приверженность США началу переговоров по разработке международной конвенции, запрещающей применение и угрозу применения ЯО при любых обстоятельствах [21]. Именно опасение подвергнуться ядерной угрозе — один из главных стимулов к обладанию ЯО для тех неядерных государств, которые ныне значатся в списке “нарушителей”.

В 2010 г. пройдет очередная Обзорная конференция по ДНЯО. Для достижения ее успеха важно было бы обозначить движение США совместно с другими членами “ядерного клуба” к снятию имеющихся у многих неядерных государств опасений в отношении своей незащитности от ядерной угрозы. Это способствовало бы укреплению ДНЯО и в целом режима нераспространения ЯО.

Во-вторых, *инициатива “Глобальный Ноль”*¹⁰. В Пражской речи 5 апреля 2009 г. Б. Обама объявил о приверженности повестке “Глобального Ноля”, заявив “о готовности Америки добиваться мира и безопасности в мире без ядерного оружия” [58]. Отметив, что “эта цель не будет достигнута быстро — возможно не на моем веку”, Б. Обама обозначил путь, которого он будет придерживаться для ее достижения: сокращение роли ЯО в стратегии национальной безопасности США, сокращение количества американских боеголовок и запасов РМ.

Но для продвижения к радикальному сокращению ядерных вооружений необходимо вписать вопросы сокращения ЯО в более широкий контекст развития вооружений и военных расходов. Нельзя допустить, чтобы в процессе ликвидации ЯО государства продолжали бы делать ставку на рост военных расходов и развитие других видов вооружений (в частности, стратегических высокоточных). Лидерства в этом направлении у США пока не наблюдается [41]. Это ставит под сомнение возможность реализации деклараций Б. Обамы о безъядерном мире.

В-третьих, *сокращение и ограничение ядерных вооружений*. Еще в ходе избирательной кампании Б. Обама заявил: “Я буду добиваться реальных и контролируемых сокращений всех видов американских и российских ядерных вооружений — как развернутых, так и неразвернутых, как стратегических, так и нестратегических. Я также буду развивать сотрудничество с другими ядерными державами с целью резкого сокращения запасов ЯО на планете к концу моего президентского срока” [11].

О запуске российско-американского переговорного процесса по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (с выработкой нового договора по СНВ) американский и российский президенты Б. Обама и Д. Медведев заявили 1 апреля 2009 г. на встрече в Лондоне. 6 июля 2009 г. на саммите в Москве президенты РФ и США подписали Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях

¹⁰ “Глобальный Ноль” (“Global Zero”) — неформальная организация, созданная по инициативе четырех известных в мире американцев (бывшие госсекретари США Джордж Шульц и Генри Киссинджер, экс-министр обороны США Уильям Перри, бывший сенатор Конгресса США Сэм Нанн), была представлена в Париже и Вашингтоне 9–11 декабря 2008 г. Эта организация поддерживает политических лидеров, выступающих за мир, свободный от ядерного оружия, политическими кампаниями и обращениями к мировому сообществу. Международная команда экспертов “Global Zero” разработала специальный поэтапный план, который затрагивает все проблемы процесса ликвидации ядерного оружия по всему миру (“до нулевой отметки”). Очередное международное мероприятие, запланированное “Global Zero”, — проведение в январе 2010 г. “Мирового саммита” с участием 500 мировых лидеров [46].

стратегических наступательных вооружений, зафиксировавшее базовые элементы будущего договора по СНВ [31]. Было поручено переговорщикам “завершить в ближайшее время выработку договора с тем, чтобы они могли его подписать и представить на ратификацию в своих странах” [31].

Но что характерно, уже на начальной стадии российско-американского переговорного процесса выяснилось, что американская делегация во главе с заместителем госсекретаря США Р. Геттемюллер не имеет директивных указаний обсуждать вопросы сокращения неразвернутых ядерных вооружений (можно сказать, проблему ограничения возвратного потенциала стратегических наступательных сил США, которая так беспокоит российскую сторону.) Вскоре проявилось и фактическое нежелание Пентагона сокращать количество развернутых стратегических носителей [24]. Это не вписывается в предвыборные заявления Б. Обамы. Похоже, что новый президент Соединенных Штатов ограничен в возможностях “продавливания” своих разоруженческих деклараций даже в рамках своей администрации. В американском Сенате он может столкнуться с большими сложностями при ратификации и нового договора по СНВ, и ДВЗЯИ [58], что также было обещано Б. Обамой мировому сообществу.

В-четвертых, *подписание Договора о запрещении производства РМ для ЯО и других ядерных взрывных устройств (ДЗПРМ)*. 18 мая 2006 г. делегация США в рамках Конференции по разоружению, работающей в Женеве, представила проект текста этого договора [39, с. 138]. Однако он был встречен прохладно, прежде всего неядерными государствами, из-за отсутствия мер контроля над этим процессом. Поддержку данной инициативе выразили 1 апреля 2009 г. президенты Д. Медведев и Б. Обама [28]. В Пражской речи 5 апреля 2009 г. Б. Обама заверил, что “Соединенные Штаты будут добиваться заключения договора, который положит верифицируемый конец производству расщепляющихся материалов, предназначенных для использования в ядерном оружии” [58]. Благоприятная ситуация для реализации этого намерения Б. Обамы ныне создана. После многолетней проволочки на майском 2009 г. пленарном заседании Конференции по разоружению его участники решили включить вопрос о ДЗПРМ в программу работы Конференции [32].

В-пятых, *обеспечение безопасности хранения и оборота РМ*. Актуальность этой задачи президент Б. Обама обосновал в Пражской речи тем, что “в мире существует ядерный материал, безопасность которого не обеспечена”. Это, по его мнению, представляет собой “критическую угрозу международной безопасности”, поскольку террористам облегчен доступ к ядерному материалу. Для защиты человечества от этой угрозы Б. Обама объявил “о новом международном усилии, направленном на обеспечение безопасности

всего уязвимого ядерного материала в мире в течение четырех лет” [58].

Инициатива президента США Б. Обамы получила развитие на московском саммите 6 июля 2009 г. В Совместном заявлении о сотрудничестве в ядерной сфере президенты РФ и США Д. Медведев и Б. Обама объявили “о намерении расширять и углублять сотрудничество на долгосрочной основе с целью дальнейшего повышения уровня безопасности ядерных объектов по всему миру, в том числе путем минимизации использования высокообогащенного урана в гражданских целях и консолидации и конверсии ядерных материалов”¹¹.

В рамках уже упоминавшейся Глобальной инициативы по уменьшению угрозы (GTRI) Конгресс США с 2005 г. ежегодно предусматривает выделение до 400–500 млн. долларов на меры, направленные на обеспечение безопасности РМ во всем мире [38, 2009, вып. № 24]. Для реализации объявленной президентом США Б. Обамой “четырёхлетней инициативы” потребуются дополнительные средства. Отзовется ли позитивно на это Конгресс США с учетом постигшего экономику страны кризиса, сказать сейчас затруднительно. По-видимому, многое будет зависеть от убедительности тех аргументов, которые подготовит новая американская администрация для обоснования целесообразности выделения необходимого финансирования “четырёхлетней инициативы”.

В-шестых, *разрушение “черного рынка” РМ и ядерных технологий*. В Белом доме понимают, что решение этой проблемы будет носить длительный характер [58]. Задействованные с подачи США ИБОР и Глобальная инициатива по борьбе с ядерным терроризмом¹² еще не превратились в прочные международные институты, а потому малоэффективны¹³. В своей Пражской речи Б. Обама призвал

¹¹ Президенты РФ и США Д. Медведев и Б. Обама также подтвердили приверженность утилизации существующих в России и Соединенных Штатах запасов ядерных материалов оружейного качества, превосходящих количества, необходимые для целей обороны, и начатым в 2005 г. инициативам по ядерной безопасности, включая повсеместное совершенствование систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и радиоактивных веществ [30].

¹² Глобальная инициатива по борьбе с ядерным терроризмом принята в июле 2006 г. на саммите “Большой восьмерки” (г. Санкт-Петербург, РФ) по инициативе президента США Дж. Буша-младшего и президента РФ В. Путина. В ее задачу входит “предотвращение приобретения, транспортировки или использования террористами ядерных материалов и радиоактивных веществ либо взрывного устройства, созданного с использованием таких материалов, а также враждебных действий против ядерных объектов”. Глобальная инициатива основана на положениях Международной конвенции 2005 г. о противодействии актам ядерного терроризма [4, с. 543].

¹³ Так, выступая в июле 2009 г. в Москве на очередном заседании международного клуба “Триолог”, директор Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований У. Поттер заявил: “К

“наращивать усилия для разрушения “черных рынков”, обнаружения и перехвата незадекларированных ядерных материалов, технологий и оборудования при транспортировке и использования финансовых инструментов, чтобы прервать эту опасную торговлю”. Способы действий новой американской администрации по разрушению сети “черных рынков” будут зависеть от решений Глобального саммита по ядерной безопасности 2010 г.

В-седьмых, *проблема денуклеаризации Корейского полуострова*. Президент Б. Обама неоднократно заявлял о поддержке шестисторонних переговоров, принципов Совместного заявления 19 сентября 2005 г. и принятых в его развитие консенсусных документов. В то же время новая американская администрация вынуждена реагировать на деструктивные действия Пхеньяна, который продолжает игнорировать резолюции СБ ООН и отказывается от участия в шестисторонних переговорах, путем ужесточения своих санкций в отношении КНДР [25].

В Пражской речи президент США Б. Обама, упомянув о деструктивных действиях Пхеньяна, призвал мировое сообщество “выступить единым фронтом против КНДР, дать ей серьезный международный ответ” [58]. Этим высказыванием он подтвердил неизменность избранного его администрацией курса в отношении урегулирования северокорейской ядерной проблемы через многосторонний механизм, а не на основе двусторонних северокорейско-американских договоренностей (как это имело место при президенте США Б. Клинтоне и к чему стремится нынешняя власть в КНДР [33]). Но Вашингтон не готов недопустимо долго мириться с отсутствием реальных результатов ядерного разоружения КНДР.

В-восьмых, *прекращение Ираном программы разработки ядерного оружия*. Уже на первой пресс-конференции 7 ноября 2008 г. избранный президент США Б. Обама, заявив о неприемлемости наличия ядерного оружия у Ирана, упомянул о готовности вести прямой диалог с иранскими лидерами [38, 2008, вып. № 31]. Это изменение тона в отношениях с Ираном вызвало жесткую критику со стороны тех американских политиков, которые полагают, что разговаривать с Тегераном бессмысленно и аморально. Однако сразу после инаугурации президент США Б. Обама сказал ставшие знаменитыми слова: “Если страны, подобные Ирану, готовы разжать кулаки, то они встретят нашу протянутую руку” [35, с. 47]. В марте 2009 г. в телеобращении к иранцам накануне персидского нового года Б. Обама заявил о готовности дипломатическими методами урегулировать разногласия между США и Ираном. Это

сожалению, в большинстве стран сегодня нет надлежащего уголовного преследования и еще меньше наказаний за нарушение ядерной безопасности и экспорта ядерных технологий” [38, 23 июля 2009 г.].

стало прямым приглашением к диалогу без предварительных условий и определенной гарантией достижения взаимоприемлемых договоренностей. Ожидание положительного отклика со стороны Тегерана не помешало Вашингтону продлить санкции в отношении Ирана еще на год [38, 2009, вып. № 6]. Этот шаг, не гармонизировавший со сделанными Б. Обамой заявлениями, преследовал целью убедить его критиков в том, что он способен предлагать Тегерану не только “пряники”, но и демонстрировать “кнут”.

Вскоре последовал вполне прогнозируемый ответ со стороны Ирана: его верховный лидер аятолла Али Хаменеи заявил, что “не видит реальных сдвигов в политике США в отношении Ирана” [53]. Хоссейн Шариатмадари, главный редактор ведущей иранской газеты Кейхан, в свою очередь, сформулировал позицию правящих в Иране кругов так: “Для того чтобы установить любые связи между США и Ираном, один из нас должен изменить свои принципы и свой образ мыслей. Иран никогда это не сделает. Следовательно, это Америка должна измениться” [35, с. 147]. Иными словами, теперь Тегеран выдвинул условия для начала переговоров с Вашингтоном. По образному замечанию научного сотрудника Королевского института международных отношений (Великобритания) Юрия Федорова, “Тегеран отказался разжать кулаки”.

Для двустороннего диалога условия не созданы. У лидеров Ирана, президентом которого после прошедших в июне 2009 г. выборов остался М. Ахмадинежад, сохраняется устойчивое недоверие к любым американским инициативам. Поэтому Вашингтону предстоит решать иранскую ядерную проблему в формате группы П5+1.

* * *

Подводя итоги политики США в области нераспространения ЯО за период 2001–2008 гг. и первую половину 2009 г., можно сделать четыре основных вывода.

1. Администрация Дж. Буша-младшего активно использовала на международной арене политико-дипломатические, экономические и военные инструменты для ослабления угроз, исходящих от распространения ЯО и связанных с ним материалов, технологий и оборудования (особенно с учетом возможности их попадания в руки террористических формирований). Но одновременно, зачастую в ущерб поставленной цели, деятельность в этой сфере обращалась на укрепление американского превосходства в мире. Этим объясняется присущий выработанной Вашингтоном в 2001–2008 гг. практике симбиоз легитимных и сомнительных методов борьбы с распространением ЯО и других видов ОМП — химического и бак-

териологического. Данный симбиоз негативно воспринимался мировым сообществом, что не позволило в ряде случаев реализовать даже те американские инициативы, которые объективно были направлены на укрепление режима нераспространения ЯО.

2. Главный упор в решении проблемы распространения ЯО администрация Дж. Буша-младшего сделала на защиту территории США, группировок американских войск за рубежом и американских союзников. Другие аспекты проблемы, в том числе связанные с разрушением режима контроля над ядерными вооружениями, имели для нее второстепенное значение, равно как и негативное влияние принимаемых Вашингтоном в одностороннем порядке мер, направленных на обеспечение безопасности других стран. Такой подход породил стратегию превентивных ударов, основанную на непризнанном мировым сообществом праве США осуществлять в одностороннем порядке и по своему усмотрению силовые акции в отношении суверенных государств, представляющих, по оценке республиканской администрации, угрозу национальной безопасности.

Такая американская политика не способствовала выходу из кризиса режима нераспространения ЯО. Скорее, она усугубила его: на международной арене появилось еще одно не признанное де-юре ядерное государство — КНДР. Было “подогрето” желание и других государств, причисленных Вашингтоном к “странам-изгоям”, заполучить ОМП (включая ядерное), чтобы сдерживать Соединенные Штаты.

3. Администрация Дж. Буша-младшего стремилась закрепить за США обособленный статус в отношении выполнения ДНЯО, КЗХО, КБТО и других международных соглашений в сфере ОМП. Это ослабляло позиции мирового сообщества в борьбе с распространением, не позволяло выстроить долгосрочный консенсус и наладить эффективное сотрудничество в деле укрепления и развития режима нераспространения.

4. Просматривающиеся намерения администрации Б. Обамы в области нераспространения ЯО позволяют утверждать, что, как минимум, положен конец деструктивной политике, которую проводили “неоконсерваторы” при президенте Дж. Буше-младшем. Налицо стремление исправить ошибки, допущенные в прошлом. Есть и вполне конкретные подвижки, вроде продолжающихся российско-американских переговоров по выработке нового договора СНВ. Вместе с тем полновесную оценку политике новой администрации в отношении нераспространения ЯО можно будет дать лишь после утверждения новых “Стратегии национальной безопасности США” и “Национальной стратегии борьбы с оружием массового уничтожения”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арбатов А.Г., Пионтковский А.А.* Что общего у Ахмадинежада с Гаврилой Принципом: решаем иранские головоломки // Индекс Безопасности. Весна 2007. № 1 (81). С. 117–126.
2. *Геттемюллер Р.* Контроль над вооружениями и нераспространение: задачи для новой администрации // Индекс Безопасности. Лето 2009. № 2 (89). С. 125–128.
3. Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения. Справочник / Отв. ред. В.А. Орлов. М.: Права человека, 2005.
4. Ежегодник СИПРИ 2007.
5. *Есин В.И.* Обзор мировых тенденций развития ядерных вооружений // Национальная оборона. Сентябрь 2008. № 9 (30). С. 26–51.
6. *Ефимов А.* КНДР согласилась вывести из строя ядерные объекты в Ненбене к 31 декабря // РИА Новости. 3 октября 2007 г.
7. *Захарченко И.* Ядерное разоружение КНДР может затянуться и оказаться под угрозой срыва // РИА Новости. 6 декабря 2007 г.
8. *Злобин А., Супонина Е.* Стереть с карты мира // Время Новостей. 28 ноября 2005 г.
9. *Иванов А.* Ким Чен Ир разоружится перед Джорджем Бушем // Коммерсант. 13 сентября 2007 г.
10. *Искандеров П.* Когда АЭС на горе свистнет // Время Новостей. 18 сентября 2007 г.
11. *Иффт Э.* Следующие шаги в российско-американском процессе сокращения вооружений // Индекс Безопасности. Лето 2009. № 2 (89). С. 129–134.
12. *Кайл Ш.* Иран и озабоченности с точки зрения ядерного распространения // Ежегодник СИПРИ 2004. С. 657–666.
13. *Кайл Ш.* Ядерная программа КНДР и шестисторонние переговоры // Ежегодник СИПРИ 2006. С. 644–648.
14. КНДР прервет диалог с Южной Кореей из-за ее угроз ударить по ядерным объектам // РИА Новости. 3 апреля 2008 г.
15. КНДР требует исключения Японии из “шестерки” по ядерной проблеме // РИА Новости. 21 октября 2008 г.
16. Коммюнике по итогам встречи глав делегаций в рамках шестого раунда на шестисторонних переговорах // ПИР-Центр [Официальный сайт]. URL: <http://www.pircenter.org/index.php?id=1770> (дата обращения: 16.08.2009).
17. *Кременюк В.* Национальная стратегия США — способ доказать силу // Молодежь Эстонии. 20 декабря 2002 г. [Он-лайн приложение к газете “Молодежь Эстонии”]. URL: <http://www.moles.ee/02/Dec/20/14-2.php> (дата обращения: 03.08.2009).
18. *Новиков В.Е.* Проблема нераспространения ядерного оружия на современном этапе. М.: Российский институт стратегических исследований, 2007.
19. *Орлов А.* КНДР продолжает оставаться под действием многочисленных санкций — госдепартамент США // РИА Новости. 11 октября 2008 г.

20. Орлов В.А. Иранская ядерная программа вызывает серьезные вопросы // Ядерный Контроль. Осень 2004. № 3 (73). С. 105–108.
21. Полицук О. Генассамблея ООН одобрила 54 резолюции по ограничению вооружения // ИТАР-ТАСС. 3 декабря 2008 г.
22. Пхеньян может замедлить демонтаж своих ядерных объектов // РИА Новости. 26 декабря 2007 г.
23. Рогов С.М. Перспективы военной политики администрации Обамы // Независимое Военное Обозрение. 30 января — 5 февраля 2009 г.
24. Рогов С.М. Хакеры перезагрузки оказались в проигрыше // Независимое военное обозрение. 10–16 июля 2009 г.
25. Россия осудила ядерные испытания КНДР и призвала Пхеньян быть ответственным // РИА Новости. 26 мая 2009 г.
26. Скосырев В. Переговоры о ядерном разоружении КНДР возобновились // Независимая Газета. 11 июля 2008 г.
27. Скосырев В. КНДР создаст ядерный щит // Независимая Газета. 15 апреля 2009 г.
28. Совместное заявление президента РФ Д.А. Медведева и президента США Б. Обамы (Лондон, 1 апреля 2009 г.) // Официальный сайт Президента России. URL.: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/04/214587.shtml> (дата обращения: 30.08.2009).
29. Совместное заявление президента РФ Д.А. Медведева и президента США Б. Обамы по вопросам ПРО (Лондон, 1 апреля 2009 г.) // Официальный сайт Президента России. URL.: http://news.kremlin.ru/ref_notes/168 (дата обращения: 30.08.2009).
30. Совместное заявление президента РФ Д.А. Медведева и президента США Б. Обамы о сотрудничестве в ядерной сфере (Москва, 6 июля 2009 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219075.shtml> (дата обращения: 30.08.2009).
31. Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений (подписано в Москве 6 июля 2009 г. президентами РФ и США Д. Медведевым и Б. Обамой) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/07/219078.shtml> (дата обращения: 30.08.2009).
32. Табак М. Обама готов к работе над договором по ядерным материалам // РИА Новости. 30 мая 2009 г.
33. Толорая Г. Опасная, но продуманная игра Пхеньяна // Время Новостей. 9 июня 2009 г.
34. Тургиев М. Япония сомневается, что США исключат КНДР из списка стран — пособниц терроризму без согласия Токио // РИА Новости. 3 сентября 2007 г.
35. Федоров Ю. Глазами либерала: Мысли о неммыслимом, или почему прав Герман Кан // Индекс Безопасности. Лето 2009. № 2 (89). С. 145–156.
36. Черемушкин П. Следует начать с того, какую роль сама Россия хочет играть // Интерфакс. 14 ноября 2008 г.
37. Эксперты России и Китая сочли непредсказуемой линию США по ядерной проблеме КНДР // РИА Новости. 14 октября 2008 г.

38. Электронный новостной бюллетень “Ядерный Контроль” // ПИР-Центр [Офиц. сайт]. URL: <http://www.pircenter.org/index.php?id=26> (дата обращения: 10.09.2009).

39. Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: Рос-СПЭН; ПИР-Центр, 2009.

40. Ядерное нераспространение: Учеб. пособие для вузов. В 2 т. / Под общ. ред. В.А. Орлова. Т. 2. М.: ПИР-Центр, 2002.

41. Ядерный порядок: построить или разрушить? // ПИР-Пресс. 8 апреля 2009 г.

42. Beijing “Resolutely Opposed” to DPRK Nuclear Test // People’s Daily. 10 October 2006.

43. *Blix H.* Disarming Iraq. N.Y.: Pantheon Books, 2004.

44. E3/EU Statement on the Iran Nuclear Issue. Berlin, 12 January 2006 // France-Diplomatie. Ministère des Affaires étrangères et européennes [Le site officiel]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/actu/bulletin.gb.asp?liste=20060113.gb.html> (дата обращения: 26.08.2009).

45. *Femia F.* Nonproliferation Policy 100 Days into the Obama Presidency: Where Things Stand // The Connect US Fund [Internet-portal]. URL: <http://www.connectusfund.org/blogs/nonproliferation-policy-100-days-obama-presidency-where-things-stand> (дата обращения: 30.08.2009).

46. Global Zero [Official site]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/actu/bulletin.gb.asp?liste=20060113.gb.html> (дата обращения: 30.08.2009).

47. IAEA, “Iran Starts Feeding Uranium Ore Concentrate at Uranium Conversion Facility”, Press Release, 2005/09. Vienna, 8 Augusts 2005 // International Atomic Energy Agency [Official site]. URL: http://www.iaea.org/NewsCenter/PressReleases/2005/prn_200509.html (дата обращения: 25.08.2009).

48. IAEA, “Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran”, Resolution Adopted by the IAEA Board of Governors, GOV/2005/77. Vienna, 25 September 2005 // International Atomic Energy Agency [Official site]. URL: <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2005/gov2005-77.pdf> (дата обращения: 25.08.2009).

49. IAEA, “Iran to Resume Suspendet Nuclear Research and Development”, Press Release 2006/01. Vienna, 3 January 2006 // International Atomic Energy Agency [Official site]. URL: <http://www.iaea.org/NewsCenter/PressReleases/2006/prn200601.html> (дата обращения: 26.08.2009).

50. IAEA, “Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Islamic Republic of Iran”, Resolution Adopted by the IAEA Board of Governors, GOV/2006/14. Vienna, 4 February 2006 // International Atomic Energy Agency [Official site]. URL: <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Board/2006/gov2006-14.pdf> (дата обращения: 26.08.2009).

51. Iran Defies UN Nuclear Sanctions // Financial Times. 24 December 2006.

52. Iran Proclaims Breakthrough in Nuclear Program // Global Security Newswire. 12 April 2006 // Nuclear Threat Initiative [Official site]. URL: <http://www.nti.org> (дата обращения: 26.08.2009).

53. Iranian Official Downplays Obama's Overture to Iran. Payvand Iran News. 26 March 2009 // Payvand, Iran News, Directory and Bazar [Internet-portal]. URL: <http://www.payvand.com/news/09/mar/1309.html> (дата обращения: 30.08.2009).

54. National Military Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction, 13 February 2006 // U.S. Pentagon [Official site]. URL: <http://www.pentagon.afic.osd.mil/> (дата обращения: 10.08.2009).

55. National Security Strategy of United States of America, September 2002 // The White House Archives, George W. Bush Administration Files [Official site]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/> (дата обращения: 10.08.2009).

56. National Security Strategy of United States of America, March 2006. // The White House Archives, George W. Bush Administration Files [Official site]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (дата обращения: 10.08.2009).

57. National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction, December 2002 // U.S. Department of State [Official site]. URL: <http://www.state.gov/documents/organization/16092.pdf> (дата обращения: 25.08.2009).

58. *Obama B.* Remarks in Prague, 5 April 2009 // The White House [Official site]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered/ (дата обращения: 26.08.2009).

59. President Announces New Measures to Counter the Threat of WMD Remarks by the President on Weapons of Mass Destruction Proliferation Fort Lesley J. McNair. National Defense University. Washington, DC, 11 February 2004 // The White House Archives, George W. Bush Administration Files [Official site]. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/02/20040211-4.html> (дата обращения: 15.08.2009).

60. *Schiff Z.* Weapons of Mass Destruction and the Middle East; *Baker J.A.* The View from Israel // Institute for Public Policy. Rice University, March 2008.

61. Statement by the Iranian Government and Visiting EU Foreign Ministers. Tehran, 21 October 2003 // International Atomic Energy Agency [Official site]. URL: http://www.iaea.org/NewsCenter/Focus/IaeaIran/statement_iran21102003.html (дата обращения: 25.08.2009).

62. Tehran Rejects Washington's Condition for Nuclear Negotiations. Tehran, 1 June 2006 // Mehr News Agency [Official site]. URL: <http://www.mehr-news.com/en/NewsDetail.aspx? =334472> (дата обращения: 27.08.2009).

63. The Forgotten Threat? Iran and Weapons of Mass Destruction // International Security Program. Harvard University, 12 March 2003.

64. UN Security Council Resolution 1696, 31 July 2006 // United Nations [Official site]. URL: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/450/22/PDF/N0645022.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.08.2009).

65. UN Security Council Resolution 1737, 23 December 2006 // United Nations [Official site]. URL: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/681/42/PDF/N0668142.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.08.2009).

66. UN Security Council, Statement by the President of the Security Council, S/PRST/2006/15, 29 March 2006 // United Nations [Official site]. URL: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/290/88/PDF/N0629088.pdf?OpenElement> (дата обращения: 26.08.2009).

67. US Department of State. Statement by Secretary of State Condaleeza Rice. Washington, DC, 31 May 2006 // U.S. Department of State [Official site]. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2006/67088.htm> (дата обращения: 27.08.2009).

68. Washington Post. 17 March 2006.